

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Зачарованный глухарь

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Зачарованный глухарь / А. И. Куприн — «Public Domain», 1912

«Мы с Михайлой очень тесно сжились и подружились за эту зиму. Я ему говорил: «вы», а он мне: то «вы», то «ты», судя по тому, как складывалась речь. На охоте он бывает иногда нетерпелив и суров со мною, но в доме и на привалах занимал подчиненное положение. Мы вместе с ним выслеживали медвежьи берлоги, по следам, а если медведь рано залег, то по тем царапинам на деревьях, которые зверь делает, как отметки, отправляясь на зимнюю спячку...»

© Куприн А. И., 1912

© Public Domain, 1912

Александр Иванович Куприн

Зачарованный глухарь

– Хочу я вас спросить, Лександра Иваныч, зачем это ты патронов набиваешь? Неужто за охотой пойдете? – спросил меня лесник Михаила, у которого в лесной сторожке я прожил целую зиму и весь великий пост.

– Конечно. Если вечер будет тихий и теплый, нынче же ночью и пойду.

– За глухарем?

– За глухарем.

– Буде? – с недоверием заметил Михаила.

– Почему? Нельзя, что ли?

– А то? – решительно возразил лесник. – Малому ребенку известно, что нельзя. Какой день-то завтра?

Мы с Михайлой очень тесно сжились и подружились за эту зиму. Я ему говорил: «вы», а он мне: то «вы», то «ты», судя по тому, как складывалась речь. На охоте он бывает иногда нетерпелив и суров со мною, но в доме и на привалах занимал подчиненное положение. Мы вместе с ним выслеживали медвежьи берлоги, по следам, а если медведь рано залег, то по тем царапинам на деревьях, которые зверь делает, как отметки, отправляясь на зимнюю спячку. Мы били зайцев, стреляли тетеревов с подъезда, нагона и из шалашиков на чучела, обкладывались английским шпагатом с цветными тряпочками на пространстве двух-трех десятин. Зимой, в студеные кроваво-красные вечера, Михаила иногда по моей просьбе подывал волков. Встанет где-нибудь на краю лесной прогалины, приставит ладони рупором ко рту, подымет вверх голову. И вдруг зальется тягучим, плачущим волчьим воем – сначала высоко-высоко, а потом все ниже, все плачевнее, кончит густым, скорбным, умоляющим басом, помолчит секунды с две и еще унылее добавит:

«У ауф!» Точно и вправду вздохнул бедный волк о своей голодной, холодной и беглой судьбе. И вот проходило несколько мгновений, и бог знает из какой дали – слева, справа, спереди и сзади, один за другим заунывные волчьи голоса подхватывают его стонущую, лесную, звериную песню.

– День-то какой, я тебя спрашиваю? – повторил Михайла.

– День? Благовещенье.

– То-то и оно-то. В такой день ходить за охотой не модель. Три дня есть таких в году, когда ни зверя, ни птицы трогать нельзя: в светлое Христово воскресенье, в благовещенье и в Страстную пятницу. Первое – что грех. А главное, с человеком такое может в лесу случиться, что хуже самой смерти. И это истинная правда.

– Что же может случиться?

– А вот ты и послушай. Был здесь у нас в Куршинском лесничестве один помощник лесничего. Это еще до меня случилось, мне старые лесники говорили. Был он человек очень молодой, ученый и к нашему брату совсем простой. И жил он, вот скажем, как и ты, по месяцу и по два у лесников на кордонах и все охотился. Но был только какой-то сурьезный и отчаянный и, надо сказать, винцом сильно занимался...

Вот он как-то раз ночью и пошел под благовещенье в лес по глухарей. Выбрался на знакомое место и стал. Стоит и слушает. Ночь выдалась темная, без ветра, тихо в лесу было, как в погребе. Ждал, ждал... Вот, думает, журавли сначала затрубят, потом желна закричит, заяц загнусит, а там и глухарь песню затянет. И только подумал, как сверху глухарь заиграл: «чу-чу, чу-чу, чу-чу, чу-чу...» – и зашипел, заскрежетал. Удивился Владимир Иваныч, – его Владимир Иваныч звали: никогда еще не бывало, чтобы глухарь так рано просыпался. Однако оправился, размялся, дождался второй песни и – раз, раз, раз сиганул вперед по болоту... Остановился,

слушает. Что за чудо? Играет да играет глухарь без остановки, песню за песней, и громко так, на весь лес слышно. А еще ни одна птица не ворохнулась.

Очень он этому удивился, Владимир Иваныч. Однако все шагает вперед. Как петух второе колено заведет, – зашипит, стало быть, – так помощник лесничего и сиганет. Пробежал этак с версту, чует – совсем близко глухарь, а не видать. Подался еще вперед, подался в сторону малость – наконец слышит глухаря над самой своей головой, на большущей сосне, на голой. Ну, думает, не где он, как здесь. Стал под песню вокруг сосны бегать, задравши голову. Нет, не видно, а тут он. И слышит даже, как глухарь с дерева вниз пакостит. Всегда он пакостит во время тока – такое уж у него тогда в кровях волнение бывает. Кружил охотничек таким манером вокруг дерева достаточно долго. Рассветать стало. А глухаря все не видать. Рассердился тогда Владимир Иваныч и говорит про себя: «Что за катавасия такая! Какой-то зачарованный глухарь мне попался». И только он это подумал, как слышит с дерева голос: «Я зачарованный, а ты убийца – и будь проклят».

Испугался Владимир Иваныч, поднял голову и видит – на ветке, на самом верху сидит глухарище. Ты сам знаешь ведь, барин, каким глухарь себя маленьким показывает, когда он на дереве?

– Не больше голубя, – сказал я.

– Вот, вот, с голубя, не больше. А тут увидел охотничек глухаря ростом с теленка. Вытянул глухарь вперед шею, словно змея, шипит и выговаривает человеческим голосом: «Будь ты проклят! Будь ты проклят!» Так до трех раз. И глаза у него, как две свечки, горят, и прямо он этим огнем на охотника уставился.

Такой страх напал на Владимира Иваныча, что просто ужас. Сердце у него оторвалось в грудях, и пустился он бежать. И бежал, и бежал, и никак не мог остановиться. И знаешь, милый барин, – тут он от страха и ума решил. Никак не мог из лесу выбраться. Лесничий уж наряжал за ним облаву из нашего стана лесников и объездчиков, однако ничего не вышло. Слышали только, как по лесу бегают, валежник трещит, да чучукает чудным голосом, а самого так и не видать.

Видели его только раз девки, когда под троицу березки рубили. Выскочил он на них голый, мохнатый, страшный такой, зареготал, заржал и драла в лес. А потом на покрова нашли его в лесу, в речке Холменке. Мужичок из Елони нашел, который лыки драл. Да и не его увидел, а увидел, что одне ноги голые из речки торчали. Заявил он уряднику, а тот становому. Ну, наехало начальство, стали тянуть беднягу из реки, а он не подается. Что же оказалось? Руки у него завязли между корягами, а в руке, в кулаке рак большущий зажат. Значит, он, стало быть, раков шарил в речке-то, для пропитания себе, значит. Ну и нырнул с головой: нащупал норку-то, залез туда рукой и ухопил рака-то. А тут ему воздуха не хватило. Он рукой туда-сюда, глянь – нет, не выходит – рак-то ему промеж пальцев вцепился и не пушшат. Так и захлебнулся.

Михайла помолчал и прибавил назидательно:

– Вот как было дело-то, милый. А что вы за охотой нынче собираетесь, так ты это, Иваныч, брось. Не дело.

– Пойдите же, Михайла, – опомнился наконец я. – Как же это так? Ведь вы же сами говорите, что он все время по лесу бегал и ни с кем не говорил. Откуда же о глухаре-то известно, как он его проклинал?

Но Михайла точно и не слышал моего вопроса. Встал, потянулся и пошел к дверям, говоря на ходу:

– Пойтить мерина напоить, что ли!